

В. В. Наумкин¹МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОДОВОРОТ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

События, развернувшиеся в начале этого года на Ближнем Востоке, с новой остротой поставили вопрос о путях развития и судьбах современной цивилизации (считая ее единой на основе формулы «одна цивилизация — много культур»). Пока неясно, какие последствия будет иметь для региона и для мира быстрое свержение тиранов, правивших своими странами в течение десятилетий. Но совершенно ясно, что Ближний Восток вступил в эпоху серьезной общественно-политической трансформации и что этот процесс оказывает и будет оказывать воздействие на систему взаимоотношений между различными частями всеобщей глобализующейся цивилизации, в том числе на отношения между Западом и исламским миром.

Концептуализации того, что произошло в регионе, предстоит еще «вызреть». Однако уже сегодня можно сказать, что мы явились свидетелями появления *массового протестного движения нового типа — революции образованной молодежи*, вызванной, в первую очередь, социальными причинами. Движения, не имеющие организационной структуры, единого руководства, программы и плана действий, выступающего с простыми требованиями — отстранения от власти засидевшихся диктаторов, их кланов, семейств, ближайшего окружения и контролируемых ими институтов (правительства, парламента, партий, руководства силовых структур). Во всех случаях требования восставших носили ярко выраженный политический характер. В качестве инструментов мобилизации в этих движениях выступали коммуникационные сети. Не случайно основных игроков в новых революциях называют «фэйсбуковской молодежью». Общеарабский контекст событий облегчал трансляцию опыта одних государств другим. А роль «триггера», или спускового крючка для начала первого спонтанного выхода на улицы тунисской молодежи, сыграл акт самоожжения молодого человека, отчаявшегося от безуспешной борьбы с тиранической, прогнившей и коррумпированной бюрократической машиной. Акт, который стал «символом». Это одно из понятий *теории символического выбора*, с помощью которой можно попытаться понять суть новых движений на Арабском Востоке.

¹ Директор Института востоковедения РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «История Востока», «Очерки по этнолингвистике Сокотры», «Сокотрийцы», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Абу Хамид аль-Газали», «Правильные весы» и др. Председатель редакционной коллегии журнала «Восток (ORIENTIS)», редакционного совета журнала «Восточный архив», входит в состав редколлегии или редакционных советов журналов: «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция), «Вестник российской нации», «Вестник МГУ. Сер. «Востоковедение», «Современный ислам». Многие книги переведены на иностранные языки. Награжден общественными наградами: орденом почета Совета муфтиев России, орденом «За пользу Отечеству» (Золотой крест), орденом Российской нации. Лауреат премии В. В. Посуваляка за достижения в области международной журналистики.

Для их адекватного понимания будет полезен также теоретический инструментарий *теории социального движения*², в частности, такие понятия, как «рамки» (frames), «обрамление», «резонанс», «ресурсная мобилизация».

Но, поскольку теоретическое осмысление событий начала 2011 года пока не является нашей задачей, коснусь некоторых более практических аспектов их интерпретации. В российской экспертной и медийной среде, в частности, возникли две интерпретации турбулентных событий в регионе с помощью «теории заговора».

По первой из них события были инспирированы и даже организованы некими западными (прежде всего американскими) кругами через Интернет (Google, Twitter, Facebook и т. п.) и в этом смысле явились аналогами тех «цветных революций», которые в недавнем прошлом имели место на постсоветском пространстве. Один достаточно известный аналитик, К., утверждал: «Одновременно в Тунисе, Египте, Иордании, Йемене, Сирии люди просто так на площади не выйдут». Но то ли автор ни в малейшей мере не понимает ситуации в регионе, то ли сознательно передегивает факты (тут и время, и страны напутаны), лишь бы обвинить американцев: оказывается, они давно все именно так и запланировали. Многотысячными массами образованной арабской молодежи (по моим наблюдениям, многие из них разбираются в мировой политике гораздо лучше автора), согласно этой теории, просто дергали за веревочку некие заокеанские кукловоды. И всем управляла рука «все того же Бжезинского». Почему вездесущий престарелый профессор, давно отошедший от дел, является исполнителем столь ответственной и трудной миссии, осталось за рамками этого дискурса. Разве что упоминалось, будто он давно и самоотверженно работает над проектом «глубокого партнерства США и радикального ислама». Подобные суждения ранее можно было услышать разве что из уст «сдвинутых» на исламофобии наиболее одиозных представителей крайне правых израильских кругов (кстати, автор утверждает, будто Израиль — чуть ли ни единственное «препятствие на пути объединения США с исламом»).

Мой хороший знакомый, каирский профессор А., давний друг нашей страны, внимательно слушавший основанное на этой же теории выступление одного из наших известных телеведущих, сказал мне: «Как обидно, что ваши обозреватели считают нашу замечательную молодежь какими-то недоумками, которые даже на улицу-то сами выйти не могут!» Возможно, авторы подобных комментариев в наших печатных и электронных СМИ руководствовались

² См. об этих теориях: Наумкин В. В. Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // Вестник МГУ. Сер. «Международные отношения и мировая политика». 2009. № 1. С. 9–27.

благими намерениями. Один мой коллега, М., потрясая распечатками из «Викиликса» и с жаром полемизируя со мной в известной телепрограмме, видимо, даже искренне рассчитывал произвести впечатление на арабских друзей, поскольку возглавляет одно из соответствующих обществ дружбы.

На самом же деле эти комментарии только ссорили нас с арабами (что никак не отвечает нашим интересам), во всяком случае, арабские сайты расценивали измышления этих наших «специалистов» не как антиамериканские (как это, возможно, задумывалось), а как арабофобские. А, как известно, в периоды судьбоносных изменений люди особенно чувствительны к тому, что о них говорят и пишут за рубежом.

По другой конспирологической теории все протестное движение организовали и тайно возглавили мусульманские фундаменталистские силы. Утверждения подобного рода гармонировали с эскападами отчаянно боровшегося за власть Каддафи, пытающегося свалить всю вину за кровопролитие в стране на исламистов. Мой коллега по другой телепрограмме, С., заметил, что в конце туннеля всех подобных революций все равно стоит «мрачный бородастый дядька в чалме и с автоматом Калашникова». Иначе говоря, даже если и сейчас исламские радикалы не правят бал на обновленном арабском политическом поле, то они все равно воспользуются плодами победы протестных масс. Естественно, никаких аргументов в пользу этой теории не приводилось. Действительность, напротив, говорила о том, что инициативу протеста у исламистов (к слову сказать, совсем не единых) в этом случае перехватили другие игроки.

События на Ближнем Востоке совпали по времени с новым всплеском террористической активности религиозно-экстремистских группировок на Северном Кавказе. Некоторые западные эксперты заговорили о том, что эхо ближневосточных революций докатится до Северного Кавказа. К сожалению, некоторые наши эксперты и даже официальные лица поспешили заявить о существовании причинно-следственной связи между этими двумя процессами. Думаю, что перекладывать ответственность за резкое обострение ситуации на Северном Кавказе на некие исламистские силы, которые предположительно стоят за массовыми выступлениями в ближневосточном регионе, вряд ли полезно. Как будто бы нам не хватает наших собственных про-

блем — коррупция, та же, что и на Востоке, неустроенность молодежи, засилье продажных чиновников, клановость и nepотизм, безработица, дороговизна, неэффективное местное управление, отсутствие представительства. Стоило бы сконцентрировать внимание на искоренении этих болезней, порождающих протестные настроения. Это, конечно, не означает, что нужно ослаблять борьбу с постоянно и все более активно идущим проникновением в наше исламское пространство радикальных, экстремистских идей из рубежа. Непонятно, зачем нужно было столь настойчиво публично заявлять, что подобные революции у нас не пройдут — почему-то западные политики на свои государства эту модель не применяют.

Отдельные отечественные конспирологи слили обе теории воедино. Так, уже упоминавшийся выше аналитик К. утверждал, будто «исламизм — особая религиозная субкультура, которую взрастили при прямом участии Запада». Организация «Братьев-мусульман», — естественно, британский проект. Обама даже виноват в том, что в своей знаменитой речи в Каире протянул руку дружбы исламскому миру. Будто бы и нет разделяющего современный мир глубокого непонимания между Западом и исламским миром. И опять: наши нападки на любые движения под исламскими лозунгами (хотя в данном случае их было не так уж много) вряд ли дадут нам какие-либо дивиденды. Кстати, «Братья-мусульмане» в Египте (как это уже произошло с «Братями-мусульманами» в Иордании, родственными им партией «Ислах» в Йемене и движением ХАМАС в Палестине) в ближайшем будущем наверняка превратятся в легальную парламентскую партию. А они у нас включены в «черный список» экстремистских организаций, что, безусловно, затруднит наше взаимодействие с новым египетским режимом. Американская администрация, поначалу лавировавшая в своем отношении к египетским событиям, а потом поддержавшая восстание, явно набрала очки, завоевав поддержку тех, кто, возможно, завтра будет править этой страной, но и не утратив доверия своих традиционных сторонников — египетского военного истеблишмента.

Молодежные арабские революции против диктаторов и их тиранического правления, возможно, станут одним из главных событий начавшегося года, а всю глубину их последствий нам еще предстоит осознать.